

— Конечно, это невозможно, — сразу же покачал головой управляющий Чжуан. — Я, как и вы, прекрасно знаю, как выглядит загробный мир, и как бы я ни фантазировал, у меня не возникнет таких мыслей. Но я могу с уверенностью сказать, что это почерк императора Канлуна — по крайней мере, он очень похож на его почерк! Если не верите, можете вернуться во дворец, найти какие-нибудь каллиграфические работы Канлуна или его указы и сравнить.

Управляющий Чжуан следовал за Оуяном две жизни и прекрасно знал, что тот ненавидит императора Канлуна больше, чем собственного отца. Ненависть, которую отец внушил Оуяну, он уже полностью отплатил, но с Канлуном это было невозможно, и это было именно тем, что больше всего раздражало Оуяна.

Но, будучи верным слугой, управляющий Чжуан обязан был говорить то, что нужно, даже если знал, что Оуян не хочет это слышать. Поэтому он постарался как можно серьезнее напомнить Оуяну об этом.

Оуян криво усмехнулся, снова открыл лаковую шкатулку, достал узорчатую бумагу, внимательно рассмотрел её и нахмурился:

— Не сходится! И почерк, и сама бумага явно новые. Даже если они были написаны не сегодня, уж точно не являются старинными вещами, выкопанными из какого-то угла.

— Может, кто-то подделал почерк Канлуна? — предположил управляющий Чжуан.

— Зачем? — Оуян закатил глаза и снова бросил бумагу в шкатулку. — Если бы какой-то старый призрак, как я, вернулся в мир живых и хотел бы что-то выгадать от меня, он бы не стал подделывать почерк моего врага, чтобы дразнить меня...

— Кхм-кхм, господин, это не так, — управляющий Чжуан с трудом сдержал смех и поспешил снова напомнить. — Вы считаете, что вы и Канлун — непримиримые враги, но другие так не думают! В их глазах вы и Канлун — образец гармонии между государем и подданным, более того, вы родственники и близкие друзья, отношения у вас были настолько хороши, что лучше и быть не могло! Вы не знаете, но после вашего исчезновения Канлун буквально сходил с ума, отправляя людей на поиски вас по всему миру, а потом и вовсе серьезно заболел...

— Сестра отравила его?! — глаза Оуяна сразу же загорелись.

— Э-э... Почему вы так подумали? — управляющий Чжуан чуть не прикусил язык.

— После моего исчезновения первой, кого она заподозрит, будет он! — холодно фыркнул Оуян.

— Он искал меня, потому что я знал слишком много. Даже если я умру, это должно быть только от его руки, ни в коем случае не от рук его врагов! Если бы я не умер так рано, рано или поздно меня бы просто выбросили, как ненужную вещь!

Управляющий Чжуан был в замешательстве, но не мог ничего возразить.

Хотя он дожил до смерти наложницы Оу Цзинь, но в то время его статус был настолько низок, что он даже не мог увидеть её лицо, не говоря уже о том, чтобы обсуждать с ней дворцовые тайны.

Оуян и не надеялся, что управляющий Чжуан даст ему ответ.

Услышав, что почерк на узорчатой бумаге похож на почерк Канлуна, Оуян первым делом подумал об императоре Синхэ.

В конце концов, Ци Юньхэн ещё не нашёл тело Синхэ, и Оуян не мог быть уверен, что Синхэ действительно последовал его совету и устроил себе смерть в тайной комнате Дворца Юнтай.

Может, Синхэ действительно сбежал из дворца и скрылся?

— Кстати, как выглядит почерк Синхэ?

Оуян подумал, но быстро сдался, так и не вспомнив.

Оуян никогда не интересовался каллиграфией, и, кроме Ци Юньхэ, который был с ним слишком близок и часто писал и рисовал при нём, он вряд ли смог бы сразу узнать почерк других, даже если бы перед ним положили работу Оу Цзин.

Увидев, что управляющий Чжуан всё ещё размышляет, Оуян почувствовал лёгкое раздражение, поднял палец и, помахав им перед лицом управляющего, прервал его:

— Хватит думать, пусть этот человек сам появится! Я не верю, что он покажется только раз!

— Лиса всегда выдаёт себя хвостом!

— Теперь посмотрим, у кого больше терпения!

После всей этой истории с узорчатой бумагой настроение Оуяна, как ни странно, улучшилось.

Вернувшись в Летний дворец, Оуян, даже не переодевшись, сразу вызвал Пан Чжуна и отправил его в Чертог Цянькунь, чтобы тот пригласил Ци Юньхэ.

Что касается причины приглашения, Оуян даже не упомянул. Просто отправил Пан Чжуна.

В конце концов, императорская стража наверняка сообщит Ци Юньхэ обо всём, что произошло в чайной, сразу после случившегося, так что ему не нужно будет отправлять кого-то ещё, чтобы повторять все детали.

Действительно, через полчаса Пан Чжун вернулся вместе с Ци Юньхэ.

Войдя в главный зал, Ци Юньхэ сразу же направился к Оуяну, взял его за руку, осмотрел с головы до ног и, убедившись, что тот невредим и ничего необычного не произошло, наконец вздохнул с облегчением и спросил:

— Что случилось?

— Я тоже хотел бы знать! — Оуян сделал вид, что расстроен. — Просто решил посидеть в чайной, и вот что получилось.

— Решил посидеть? Что это значит? — настаивал Ци Юньхэ.

— Не говори! Сегодня было столько раздражения, сколько только можно себе представить! — Оуян тяжело вздохнул и рассказал о ситуации с госпожой Цянь.

Выслушав Оуяна, Ци Юньхэ тоже был в замешательстве и долго молчал.

— Эти негодяи просто не могут жить спокойно, да?! — наконец не выдержал Ци Юньхэ. — Просто скучно им стало, вот и занялись ерундой! Получили немного богатства и славы, и сразу забыли, кто они такие!

— Вот именно! — поддержал Оуян. — Ты, как император, даже не подумал избавиться от такого позорного человека, как я, а наоборот, взял меня к себе и заботишься обо мне. Такой явный знак, а они всё равно не понимают!

— Ты совсем не позорный человек!

Ци Юньхэ слегка кашлянул, покраснев от слов Оуяна.

Хотя он действительно взял Оуяна к себе, но забота — это слишком громко сказано. Просто выделил ему одно из дворцовых помещений, предоставил несколько слуг, а всё остальное — еда, одежда, мебель в Летнем дворце — почти всё было обеспечено самим Оуяном. Скоро начнётся ремонт Летнего дворца, и он тоже будет проводиться за счёт Оуяна, его людей и его денег. Даже первоначальные вложения в императорское поместье в основном были сделаны из личных средств Оуяна.

— Чунъянь, не принижай себя, эти обычные женщины не достойны даже сравниваться с тобой! — подчеркнул Ци Юньхэ, затем скрыл смущение на лице и, сделав вид, что спокоен, сменил тему. — Что ты думаешь по поводу этой ситуации?

— Судья не может разобраться в семейных делах, тут действительно сложно что-то посоветовать. — Оуян покачал головой и вздохнул. — Я просто думаю, что у жён есть свои заслуги, и если они действительно не могут больше жить вместе, то хотя бы нужно оставить им путь к жизни, не доводить до смерти.

Услышав это, Ци Юньхэ наконец серьёзно задумался, нахмурился и сказал:

— Пусть этим займётся императрица, нам с тобой это неудобно! Скоро начнётся сезон весенних банкетов, императрица может устроить несколько приёмов во дворце, пригласив всех жён высокопоставленных чиновников... Хотя это снова потребует денег!

Не закончив фразу, Ци Юньхэ сжал кулак.

Оуян рассмеялся:

— Ты ведь не настолько беден, правда? Только один твой дворцовый вольер может оплатить сколько угодно весенних банкетов!

— Это разные вещи, — серьёзно возразил Ци Юньхэ. — Если речь идёт о тебе, я готов потратить сколько угодно золота, не жалея! Но если это для других, я сначала должен подумать, стоит ли это того!

— Тогда используй флаг изысканности и сделай всё просто, — предложил Оуян.

— Изысканность и простота — это разные вещи! — Ци Юньхэ вздохнул, но знал, что Оуян не любит так называемые изысканные вещи, для него они ассоциируются с бедностью.

— Ладно, пусть этим займётся императрица, тебе не нужно беспокоиться, — сказал Ци Юньхэ.

— Я и не собирался, — недовольно ответил Оуян.

— В ближайшее время тебе тоже не стоит выходить из дворца, — продолжил Ци Юньхэ. — Подожди, пока я разберусь с этой историей с узорчатой бумагой.

<http://bllate.org/book/16203/1454782>